

Было тезке моему, Александру, исполнившихся шесть лет, все причем прожитые в Твери без отца, бывшего экстремиста, ныне покойника. Живущий со вдовой, не раз ему приходилось видеть мать в объятьях незнакомых мужчин, отчего и был прозван сыном потаскухи и стался таковым, вовсе никем, кроме всюду презираемой матерью, не любим. И без того мне было достаточно, чтобы предположить из убранства квартиры в не самом лучшем районе, что и беден он очень был. Мать, безусловно, положила здоровье и молодость на то, чтобы подготовить сына к школе, дать будущее, но и того пади заслужи, коль и на еду подчас денег не хватает. Одна надежда - часто говорила ему мать, - если богом будешь одарен, то и сила в тебе магическая зародится, и будет все у тебя хорошо. Сашенька от подобного только в себе закрывался - страх накатывал от скорой кульминации: ежели нет в нем сил и не будет, то считай мертв Саша, нет его, не ходите на могилку даже - предал и себя и мать.

Об отце он не вспоминал, а если и случалось, то с невинной детской злобой. Ибо посудите, разве мог он иначе, если знал, что по его воле с матерью тот побирается ! что в его силах было не делать того, за что теперь несут тяжкий груз ответственности они ! что все бьют и обижают, избегают и осмеивают Сашу - отцова ответственность ! И в день, когда мы с ним повстречались, было ему, наконец, дано согласие местных авторитетов на прогулку. Вернее будет, он, Саша, ее не хотел, но иначе никак поступить не мог; хоть и знал, что получит, но все же пошел. Ударили те они, толкнули, а он и обессиленный упал. Только когда те поняли, до чего дошло - что кровь пыль собирала в комки по полу деревянному, что, может, почил он, сбежали сразу. А теперь он спал крепко, как никогда ранее, и был скоро готов проснуться новым человеком.

Я рассматривал убитого мальчишку. Личико его было чистеньким, отдающим нездоровой болезнью, но грудь все еще вздымалась, вещая о бьющейся в нем жизни. Доктора... маги, целительные маги заходили сюда, применяли лечебные чары да и ушли, словно и не было их никогда. Все же никто не готов был помогать обездоленной семье. Я беззвучно вздохнул и призраком, каковым являлся, присел за столь же незримый стул напротив изголовья кровати. В соседней комнате плакала Дмитриева Мария Александровна, мать Дружевича Александра Федоровича, ныне больного и потерянного во сне. Она раз десять за последний час замахивалась в комнату, поглядывая на сына, все никак не в силах стерпеть горя. Тридцать лет, - если не сердце, то нервы сдать могут. Я пытался не обращать на то внимания, наблюдая за Сашей. Сейчас было бы неплохо использовать его тело, чтобы помочь ему, а как придет в себя - вверить судьбу, уже откорректированную и идущую в гору. На что я был способен ? Кажется, из прошлого, по своей натуре, мог же принести нечто прогрессивное и ныне не нашедшее ни применения, ни самое собой, как возможное изобретение ? Можно, но проку мало - стоит податься куда, заработать имя и капитал, чтобы перейти к собственному делу.

А время здесь, словом, не благоволило подобным мне персонам. Бюрократия, старые обиды, раздутый капитал и продолжительные реформы в военных структурах. Маги ! О маги, появившись раньше... Постепенно они находили свое применение, но на эти эксперименты у военного руководства уходила львиная доля казны ! От всего этого в местной России прогремели первые выстрелы революции, однако покамест безуспешной. Случись война, ослабь верх власть над армией и губернаторами, произойдут крайне малоприятные события, что ввергнут в прах все эти начинания. Как говорится, не жили хорошо, нечего и начинать; зачем нам маги из числа аристократии, если тех мы то и делаем, что кормим и поим, словно их не пара тысяч, а сотни и сотни "миллеардав" ! Действительно, все эти задумки привели уже к первым экономическим проблемам, от которых простому люду живется все гаже и гаже, а виновны, как всегда, аристократы !

В общем, не избежать здесь крови, пусть даже сейчас иди исправлять - институты

эволюционируют без энтузиазма.

После долгих раздумий все же решившись прикоснуться к отроку, я произвел нехитрые манипуляции по построению своего ментального тела сообразно сосуду и...

- Сашенька ! - Кинувшаяся на меня мать чуть не изгнала мой дух из тела - столь неожиданно и внезапно то было. Я и не заметил, что та была в комнате, или забыл об этом ? Впрочем, увидев мой ошеломленный взгляд, она чуть успокоилась и, усевшись на краешек кровати, взялась за мои руки крепко, будто впервые за долгие года видит.

- все в порядке... - С трудом я выдавил из себя этот тихий голосок, коим мне придется в скором времени орудовать для блага своего. А так как я впервые говорил за долгое время, то, соответственно, с непривычки морщился от вибрации голосовых связок. Мать словно обухом по голове стукнуло. Понурая, та присела ближе, крепко меня обняв, что было показалось, решила учинить акт позднего аборта.

- Что за изверги... Тебе до сих пор больно, Сашенька ? А ты знаешь, между прочим, приходили хорошенькие девочки из семьи купеческих. Мы с их семьей когда-то дружили, поэтому те, несмотря на наше с тобой положение, нам немного подсобили: смотри, корзинку принесли с плюшками тебе ! Есть будешь ? Совсем истощал же ! Говорят пади, не кормлю !

- Нет, мам, правда, хорошо. - Голова закружилась и думать становилось почти невозможно. Не делая резких движений и так нежно, насколько было это возможно, я отодвинул мать Александра, - Мне лучше, наверное, побыть немного одному, не позволишь ? - Мне действительно следовало физически прийти в норму, иначе никуда идти и ничего делать я бы не мог.

- Да, хорошо. - Она вышла из комнаты, оставив крайне неприятный осадок, о коем я теперь не мог не думать. Паршиво же... быть живым.

В телесном облиии я имел возможность, как и прежде, соприкасаться с частью мною материализованных объектов. Это странно и причин тому у меня нет, но факт - материальный Я был на то способен. Что касается душевных сил, маны и заклятий, то во время производимого сеанса излечения этого тела, я семул примерно познать общую теорию - не столь сложную, как оказалось теперь. Другое дело - применить увиденное в деле. Я размышлял над тем, прежде чем вообще вновь вселяться в парня. Было необходимо не просто, как это я делал, перенаправить энергию и воплотить ранее несуществующее в насущное, но взаимодействовать с той самой силой на более глубоком уровне. Также, насколько смею судить, это являлось столь сложным для людей, ибо те, в отличии от меня, не являлись полноценными энергетическими сущностями. Да-да, я являлся чистым воплощением разумного сгустка маны ! С одной стороны, все прекрасно, но с другой, учитывая мои способности, я был не сильнее, скажем, сего дитя, до сих пор прибывающего под аффектом от удара. Едва ли моей силы достаточно, чтобы влиять на бытие сотен и тысяч людей, но благодаря преимуществу, дарованному мне по рождению, я отчасти компенсировал это недоразумение в физическом теле. Так что сейчас я был... полноценным магом ? Ну, почти...

Я пребывал в сплетении узоров, сотрясающихся от каждого моего слова. Будучи частью его, будучи его отростком, я непосредственно соприкасался с ним. Ранее я не мог познать того, как не ощущал в человеческом облиии окружающую меня атмосферу. Целая система пребывала под моим носом, а я был так слеп ! Это зрелище более чем удивительно, и я был захвачен им,

когда мое очередное неосторожное движение запустило цепную реакцию: вихрь прошелся по витиеватым щупальцам, а те в свою очередь содрогнулись, запульсировали и выбросили из своих концов джеты, обвивающие светом шестерни, затрудняющие - показалось - их движение, однако только чудилось; механизм ускорился, от метаморфоз, происходящих пред мною, все обратилось психоделическим трипом. Более не в силах разглядывать этот хаос, я закрыл глаза, отпустил сконцентрированную ману, откинулся назад, страхась монструозной структуры впереди. Сделав это, мне стало куда более гадко: помимо головокружения и утомления, мои ноги подкосились, а сознание померкло. Пред окончательной потерей осознанности я едва распознав гулкий отзвук удара чего-то массивного о пол нашей квартиры.

<http://tl.rulate.ru/book/62600/1631477>